

РАЗГАДКА “тайной психологии”

“Творчество понимания людей” — так определил Михаил Пришвин одну из важнейших задач, стоящих перед писателем. Та же задача стоит и перед читателем художественной литературы. Это имел в виду Достоевский, когда говорил: “Не один только сюжет романа важен для читателя, но и некоторое знание души человеческой (психологии), чего каждый автор вправе ждать от читателя”. По глубине проникновения во внутренний мир персонажей можно в равной мере судить о таланте писателя и о таланте читателя.

Положение юного читателя особенно трудное. Он не имеет жизненного опыта, дающего познание людей. Не черпает он этого познания и в школе. Заканчивая обучение, школьник не получает почти никаких сведений о человеческой психике, о взаимоотношениях людей, о сложной духовной жизни. Психологическая безграмотность ведет к эмоциональной глухоте, к непониманию окружающих и самого себя.

Основная нагрузка в раскрытии ребенку внутренней жизни человека падает на художественную литературу. По существу, это единственный всеохватывающий учебник человековедения в годы взросления, имеющий целью “проявить, высказать правду о душе человека” (Л.Толстой) и обладающий способностью “доказывать мне о человеке то, чего я не вижу, не знаю в нем” (М.Горький). В отличие от науки, изучающей объективные свойства человека и говорящей языком понятий, теорий, законов и цифр, художественная литература посредством художественных образов раскрывает человека в единстве объективного и субъективного, внешнего и внутреннего, индивидуального и социального, явного и скрытого. “Литературному наследию, — говорил Салтыков-Щедрин, — подлежат не только поступки, которые человек беспрепятственно совершает, но и те, которые он несомненно совершил бы, если бы умел и смел. И не те одни речи, которые человек говорит, но и те, которые он не выговаривает, но думает”. Однако психологические знания, заложенные в художественной литературе, не даются в готовом виде, они скрыты под покровом явлений, заложены в глубине. Это, по словам Тургенева, — “тайная психология”, которую надо суметь разгадать. Поиски выводов, связанных с истолковани-

ем мотивов поведения персонажей, и составляют центр тяжести чтения художественной литературы. Сошлемся на авторитет Н.А.Рубакина: “Изучение человеческой души и ее переживаний и должно быть сделано главным, центральным пунктом в деле изучения содержания литературных произведений. Первый вопрос, который нельзя не предъявить к такому произведению, заключается в следующем: что даешь ты для понимания человека и человеческой души, всех ее переживаний и в ней самой и в ее отношениях к психике других людей, с какими ей приходится в данной обстановке и при данных условиях соприкасаться”.

Читая художественную литературу, дети учатся разбираться в людях, вдумываться в их взаимоотношения, отличать существенное от второстепенного, устанавливая связь между психологией персонажей и окружающей действительностью. Чем глубже и интенсивнее проходит этот процесс, тем сильнее книга оказывает свое обогащающее воздействие на читателя.

Для воспитания психологической зоркости на материале художественной литературы особенно благоприятны годы отрочества, когда внимание к личности человека максимально обострено. Отсюда естественный интерес к словам, мыслям и поведению литературных персонажей. Этот интерес хорошо выражен в отзыве семиклассницы Вали Д: “Мне очень нравится,— писала она в Дом детской книги, — с помощью книг узнавать характеры людей. Ведь в каждом человеке есть что-то таинственное, загадочное, скрытое в глубине души его. И все эти тайны, загадки иногда приходится постигать нелегким путем...”. Это высказывание ценно в трех отношениях. Первое: подросток осознает трудный путь познания человека. Второе: он понимает, что для познания характера надо проникнуть в его глубину — за внешним увидеть внутреннее. И третье: именно путь постижения тайн человеческого характера и обуславливает радость чтения художественной литературы. Задача состоит в том, чтобы развить в читателе наблюдательность за внутренней жизнью персонажей, умение соотносить ее с поведением человека, с мотивами и факторами, определяющими поступки людей. В этом открытии — творчество читателя, залог художественного наслаждения, полученного от чтения, и вместе с тем — нравственного воспитания. Наблюдения педагогов показывают, что внутренний мир литературных героев во всей его сложности далеко не всегда воспринимается учащимися. Отсюда упрощенное, а подчас и искаженное понимание и отдельных образов, и всего произведения. В этом смысле

характерно, например, высказывание семиклассника: “За что так на Швабрина все ополчаются, он же на сторону Пугачева перешел?”. С подобным упрощением, формальным подходом библиотекарь встречается на каждом шагу. Мало того, нередко случаи, когда юный читатель не принимает психологизма вообще, считая его помехой для чтения. “Хочется, чтобы герои действовали, дерзали, а не размышляли, не копались в себе! Это скучно!” — пишет старшеклассник из Саратова. Данные высказывания свидетельствуют о том, что камнем преткновения при восприятии классики является непонимание всей сложности человеческого характера.

Первое, с чем сталкивается читатель художественной литературы, — это *разнообразие лиц и характеров*, в ней отраженных, неповторимость душевной организации каждого персонажа. Известно высказывание Белинского по этому поводу: “Сколько людей, столько и лиц, и двух совершенно схожих найти еще невозможнее, нежели найти два древесных листка, совершенно схожих между собой”. Чем характеры тоньше дифференцированы, тем полноценнее литературное произведение, тем сильнее его эстетическое воздействие на читателя. Это касается и детской литературы. Взять, например, такие произведения как “Приключения Незнайки и его друзей” или “Приключения Буратино”, многие произведения Астред Лингрен, в них мы встречаем десятки персонажей, непохожих друг на друга, о некоторых из них сказано всего несколько строк, но каждый из них живет в сознании читателя своей только ему присущей жизнью.

Если задача писателя — показать человека со своим характером, стремлениями, своим жизненным опытом, своими противоречиями, то задача читателя — воспринять персонаж в его индивидуальности, суметь различить его среди других. Данное направление мысли читателя применительно к сказкам дает психолог и педагог А. Михайлова уже дошкольникам. Интересен в этом отношении ее опыт работы со сказкой “Три поросенка” в пересказе С. Михалкова. Как известно, все поросята похожи друг на друга: маленькие, толстенькие с задорными хвостиками и почти с одинаковыми именами. Но если внимательно читать, а на это и направлено усилие взрослого, то дети замечают между ними существенную разницу. Она проявляется в строительстве домиков, в песенках, в поведении при встрече с волком и в отношениях между собой. Кто-то из них хвастун, кто-то трус, кто-то разумный и деловой. Примечателен финал обсуждения с детьми характеров поросят:

— Внешне поросята были похожи? — Да. — Имена у них были схожие? — Да. — А чем они отличались друг от друга? — Они строили разные домики. — Пели разные песенки. — По-разному разговаривали с волком. — А как они относились друг к другу? — Они были дружные. — Нет, они не захотели строить общий дом. — Только Наф-Наф заботился о братьях, пустил их в свой дом. — А Ниф-Ниф и Нуф-Нуф? Они думали только о себе. — Они не любили работать. Общий итог обсуждения — сделан шаг к познанию детьми разных характеров персонажей. А вот и методический вывод, сделанный А. Михайловой: “Не навязывать знаний, а помогать детям подходить к ним как к собственным открытиям”.

С изменением возраста меняется и стиль вопросов, направленных на дифференциацию характеров, хотя сущность их остается та же самая: В чем своеобразие данного лица — его мыслей, чувств, поведения, речи? Чем выделяется он среди других? Как достигается в произведении показ самобытности героя?

Однако установлением своеобразия персонажей психологический анализ текста лишь только начинается. В полноценной художественной литературе каждый персонаж — не застывший образ. Он имеет свою линию развития. Даже рассмотренные нами поросята к концу сказки уже не те, какими были в начале. Жизнь научила их быть дружными, заботиться друг о друге и не хвастаться. *Эта изменчивость, текучесть психики персонажа*, а вместе с этим установление тенденции развития характера, должны быть в поле зрения работы с читателем.

Классический пример для наблюдения с детьми за сложной внутренней жизнью персонажа дает повесть “Детство Темы” Гарина-Михайловского. Открыв первую же страницу, читатель сразу оказывается “внутри” Темы, в переходах из одного его состояния в другое, от одной мысли к противоположной: от радости к отчаянию, от воодушевления — к апатии, от нежных чувств — к ненависти. Только что перед нами был один мальчик, но вот он нечаянно сломал любимый цветок отца ... и уже совсем другой. Первый — счастливый, довольный, умный, второй — трусливый, несчастный, настороженный. Всего лишь миг — и бездна отделила одного от другого. Этот миг как бы взорвал внутренний мир ребенка и вызвал шквал разнообразных по характеру мыслей и чувств. Если представить себе, что читающий ребенок этого не заметил, значит, чтение повести прошло впустую. И дело не только в том, чтобы заметить, но и в том, чтобы пережить страдания и радости героя, как свои собственные,

поставить себя на его место. Только тогда Тема войдет в плоть и в кровь личности ребенка и запечатлится в нем навсегда.

Поэтому вполне уместны вопросы: одинаков ли персонаж на протяжении произведения? Как меняются его взгляды и отношение к жизни? В чем видны перемены в его характере и что послужило толчком к ним? Такие и аналогичные вопросы помогут читателю увидеть развитие характера и его изменения. Наблюдения показывают, что юные читатели часто видят лишь внешние перемены, происходящие с героями, и не умеют соотносить их с глубокими внутренними сдвигами. Вспоминается разговор с третьеклассниками о произведении С.Маршака “Кошкин дом”. Спрашиваю: “Какой кошка была в начале и какой она стала в конце сказки?”. Ребята хором отвечают: “В начале кошка была богатая, а потом стала бедная”. Пришлось подводить детей вопросами к открытию более существенных изменений в характере героини, связанных с приобретением нравственных ценностей, с рождением в сердце доброты и милосердия.

Вместе с изменчивостью характеров персонажей важно обратить внимание читателей на их *многогранность*. Неподготовленный читатель обычно упрощает характер. Он стремится выделить лишь одну грань в характеристике персонажей как единственную. Отсюда прямолинейность в оценке и преобладание черно-белых красок в характеристике человека. Все, что противоречит выделенной односторонности, рассматривается читателем как непоследовательность. Такими непоследовательными кажутся школьнику Зинаида (из рассказа Тургенева “Первая любовь”), роза (из “Маленького принца” Экзюпери) и многие другие персонажи лучших художественных произведений. Неудивительно поэтому недоумение восьмиклассника: “Печорина никак не пойму — то он положительный, то отрицательный. Какой же он?”. Показательно в этом плане восприятие писателя Евгения Богата, который в 12 лет впервые прочитал “Героя нашего времени”. “Помню мое первое ощущение, — говорит он, — как интересен и сложен человек. После Печорина я стал иначе всматриваться во всех окружающих людей. Мне открылось третье, может быть даже четвертое измерение в человеке. То есть я понял, что человек неоднозначен, что он может смеяться, а на самом деле у него печаль на сердце, что он может шутить и в то же время решать в уме какую-то сердечную задачу, от которой зависит судьба. Для взрослых людей все это сам собой разумеется. Но тогда, в 12 лет, для меня это было откровением”.

Удивительное многообразие черт раскрыла в характере д'Артаньяна, на первый взгляд кажущегося одноцветным, драматург И. Вишневецкая в статье “За что я люблю д'Артаньяна”. “Неунывающий, верный законам чести, сверкающий юмором, надежный товарищ, человек деятельного поступка, ни разу в продолжение сотен страниц “Мушкетеров”, “Двадцати...” и “Десяти лет спустя” не жаловавшийся на судьбу. Сам прокладывающий себе дорогу от безвестности к славе, не обладающий ничем, кроме неизменчивости сердца... Болеющий, не болея, страдающий, не надоедая, не окруженный вещами, не обремененный деньгами, не думающий о собственности, дающий больше, чем получающий. Не знающий разъединения между долгом и чувством, каждую минуту готовый выхватить шпагу, готовый разить протекционизм, жестокость и несправедливость” — вот кто такой, по мнению автора статьи, этот герой. И. Вишневецкая сочла, что в нем объединились солнечный Сирано де Бержерак, лукавый, вечно магнитный для юношества всего мира Том Сойер, бессмертный народный юмор и гнев Тиля Уленшпигеля, пылкая “сатириада” нашего Чацкого. Я назвала лишь маленькую часть того, что обнаружила читательница в характере д'Артаньяна. Но и этого достаточно, чтобы оценить умение читателя тщательно проследить ситуации романа и дифференцировать характер.

В романе “Воскресение” Л.Толстой писал о характере человека: “Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских, и иногда проявляет одни, иногда другие, и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь все, между тем, одним и самим собой”.

Ярким подтверждением этой мысли в детской литературе может служить образ Дениски Кораблева, героя рассказов Виктора Драгунского. В каждом рассказе он разный. То он печальный, то смешливый, то простодушный, то склонный к хитрости, то обидчивый, то озорной, то тонко чувствующий, то безучастный, то любвеобильный, то эгоистичный и так далее и так далее. Он как бы поворачивается к читателю разными гранями, иногда спорящими друг с другом, загорается то одним, то другим цветом. В богатстве психологических состояний — убедительность образа, сила книги. Живые краски придают герою жизненную достоверность. Однако разнообразие — не означает неопределенности. Во множестве человеческих проявлений можно найти доминантные, стержневые черты, которые и составляют суть характера. Так в результате чтения рассказов о Дениске можно сказать, что перед нами одухотво-

ренный образ мальчика с тонкой и поэтичной душой, активно вбирающий в себя все впечатления сложного мира.

При самостоятельном чтении многоцветность внутреннего мира персонажей не всегда улавливается читателями. Образ часто упрощается, огрубляется. Но достаточно включить читателей в выявление “партитуры” характера героя, как психологическая зоркость значительно обостряется и сложный рисунок душевных качеств персонажа в этом случае угадывается без особого труда. Так, отмечая в Карлсоне его добродушие, готовность прийти на помощь, его фантазию, дети вместе с тем видят в нем хвастуна, обжору, авантюриста. Он, как и живой человек, переменчивый и разный и в то же время сохраняющий свою привлекательную цельность. Он близок детям, и они узнают в нем себя. Опыт показал, что нахождение “партитуры” характера — увлекательная творческая работа, дающая школьникам радость психологических и читательских открытий.

Умение читателей видеть персонаж в развитии не может быть оторвано от поисков побудительных сил развития и его истоков, от скрытых мотивов поведения, слов и поступков героев. Эти поиски — главное направление творчества читателя в восприятии художественного произведения. Поэтому вопросы типа: Почему данный персонаж действует именно так, а не иначе? Почему он сказал именно эти слова, а не другие? Почему у него возникла именно эта мысль, это чувство, а не другое? — должны всегда быть в центре внимания и читателя, и библиотекаря. И только после относительно верного их решения можно делать вывод о характере того или иного персонажа, о тенденции его развития, о художественной полноценности литературного произведения.

Опыт показывает, что предлагаемые психологические вопросы, требующие творческой работы мысли, проникновения в скрытые корни явлений, решаются юными читателями с большим трудом. Здесь нужна особая читательская проницательность — умение видеть и истолковывать мелочи, связывать их с предыдущим и последующим, соотносить поведение с чертами характера. Именно в проникновенном творческом чтении и лежит ключ к решению психологических вопросов.

Особую трудность у школьников вызывают вопросы, требующие понимания противоречий между словами (действиями) персонажей и их подлинными мотивами. Здесь важно показать, что слова не всегда выражают истинные намерения человека. Он мо-

жет думать одно, а говорить другое. С таким явлением, например, ребенок сталкивается в сказках Андерсена (“Новое платье короля”), сказках Маршака (“Кошкин дом”), а еще раньше в русских сказках про хитрую лису. И естественно встает вопрос “Почему? Чем объяснить это расхождение мысли и произнесенных слов? Каков мотив лжи, лести, хитрости у данного персонажа в данной ситуации? Без ответа на эти вопросы многое в поведении человека останется для ребенка случайным и странным. Так, маленького читателя сказки С.Маршака “Кошкин дом” можно спросить, поверил ли он признанию петуха: “Я вам слуга до смерти, пожалуйста, поверьте; о какой черте характера говорит оно?”. “Как проявил себя петух, когда с кошкой случилась беда?”.

В этой связи важное место в познании человека занимает *подтекст* — понятие, получившее “права гражданства” в театральной деятельности. Суть подтекста сводится к раскрытию того, что таится за словами и действиями персонажа, что является его сущностью, что составляет истинные мотивы его поведения. Подтекст — это то, что не укладывается полностью в сказанное и сделанное человеком, когда между внутренним ощущением человека и внешним выражением имеется расхождение. Чем сложнее образ, чем противоречивее характер человека, тем острее возникает необходимость нахождения самой глубокой сущности данного человека. Лицо, особенно глаза, требуют от читателя самого пристального “прочтения” (См. подробнее “Эмоции...”).

Проявляет человеческий характер в литературном произведении *ситуация*. Ситуация играет роль реактива, раскрывающего внутренний мир персонажа, тайное делает явным. Она служит толчком к развитию характера, к обнаружению его многосторонности. Одно из подтверждений — рассказ Чехова “Выигрышный билет”. В нем выигрышный билет сыграл роль провоцирующего фактора в обнаружении таких свойств характера персонажа, каких нельзя было предугадать. Герой рассказа, человек как будто вполне довольный жизнью, вдруг захотел уйти и повеситься на первой попавшейся осине. Говоря о роли ситуации в проявлении характера, мы подходим к рассмотрению влияния социальных факторов и обстоятельств на жизнь людей.

Намеченная программа формирования психологической грамотности читателя обстоятельно изложена в книге А.М.Левидова “Автор-образ-читатель”. Компактно он изложил ее в письме ко мне, которое я назвала инструкцией для библиотекаря. Приведу

отрывок, непосредственно относящийся к теме: “Человековедение... так изучайте человека (персонажа) и научите других его изучать. Прежде всего научите следить за персонажем, за движением его психики, за изменениями, переливами, переходами. Развивайте наблюдательность. Мало видеть, надо истолковать, вести читателя к обобщениям. Мелочь важна только тогда, когда она связана с общим — с персонажем как цельной личностью, определенной индивидуальностью. От персонажа к произведению, к обществу. Такова схема.

Избегайте общих фраз о произведении.... Включайте образ! Берите ситуацию! И этого добивайтесь от читателя. Живых, живых людей надо видеть, с их плотью и кровью, с их противоречиями, со всей сложностью их внутренней жизни. Подберите примеры. Возьмите, например, Троекурова. Ученики помнят только плохое. А вы путем вопросов помогите им найти хорошее.

— После суда он не торжествовал над поверженным противником, судьи не удостоились получить от него ни одного приветливого слова, совесть его мучила, полного наслаждения не было.

— Он сам пошел на мировую, поехал уничтожать следы ссоры. Факт чрезвычайный.

— Он резко изменил свое отношение к Дефоржу после испытания в медвежьей комнате, он оценил его отвагу, мужество, хладнокровие.

— Да и сама многолетняя дружба со стариком Дубровским, человеком бедным и независимым, говорит в его пользу.

(Будет очень интересно с точки зрения педагогической, если на вопрос “Есть ли что-либо хорошее в Троекурове”, они скажут “Нет”).

Найти хорошее в плохом — совсем не значит его оправдать. Плохое даже выигрывает в сопоставлении с хорошим, потому что образ будет тогда полнокровным, художественным: живым человеком, не схемой. В Троекурове так много всяких мерзостей, что не следует бояться находить другие краски в его характеристике. Выделение всех положительных сторон в характеристике Троекурова имеет большое педагогическое значение. Это не закоренелый злодей от рождения, но человек, у которого были некоторые хорошие задатки. Но разве может то небольшое хорошее, что в Троекурове есть, сохраниться и развиваться, если он богат и знатен, если ему все позволено. Он заводит “дело” против Дубровского, хотя знает, что на имение соседа у него нет никаких прав. Но все чиновники

продажны, они раболепствуют, пресмыкаются перед ним. Раз так, то почему же не позволить себе расправу в свое удовольствие?

Еще раз обращаю ваше внимание на высказывание Толстого в “Воскресении”. Это основа мышления читателя художественной литературы. Да, такова теория. Одна из глав книги Станиславского “Моя жизнь в искусстве” носит примечательное название: “Когда играешь злого — ищи, где он добрый”. Не таковы ли живые люди, ведь у них не все просто. От теории советую перейти к практике — от одной ситуации к другой — проследить текучесть психики персонажа, все его переходы-переливы. А затем выделить в человеке то, что не является следствием момента, а то, что является решающим, ведущим, определяющим его поведение в плане личном и социальном. Вот это работа!”.

Подытоживая, можно обозначить ряд вытекающих из концепции А.М.Левидова педагогических задач:

- обращать внимание детей на неоднозначность характеров персонажей, их дифференциацию, вариантность;
- учить видеть противоречия внутренней жизни персонажей, свет и тени души каждого, распознавать в человеке то ведущее, что не является следствием момента, что определяет его поведение в плане личном и социальном;
- делать установку на динамику развития характеров и судеб персонажей, на прослеживание общей тенденции и чем она обусловлена;
- нацеливать читателей на поиски мотивов поведения персонажей, на разгадку тайн внутренней жизни;
- различать мнимое и действительное в человеке, выяснять личности, в которые прячется человек, пытаться докопаться до причин;
- учить анализировать конкретные ситуации, в которых раскрываются характеры людей, опираясь при этом на самую ткань литературного произведения.

Выдвинутые задачи определяют направленность вопросов и заданий, которые уместно предложить читателям-детям. К тем, что названы выше, добавим еще:

Какие персонажи этого произведения вам запомнились? Чем один отличается от другого? Что характерно для любимого героя, чем он не похож на других? Если бы тебе пришлось, как актеру, играть роль этого героя, как бы ты выделил его среди других? Какие черты характера твоего любимого героя ты можешь назвать? Назо-

ви самую значимую для тебя черту. Какие внешние признаки богатства скрывааемых персонажей ты заметил? Все ли он сказал, что хотел? А может быть, он что-то утаил? Каким персонаж стремится казаться? И каков он на самом деле? Почему он говорит одно, а делает другое? Не напомнило ли тебе произведение чего-либо из твоей собственной жизни или жизни знакомых тебе людей? Не соизмерял ли ты свои душевные качества с чертами любимого героя?

В порядке установки, актуализирующей интерес читателя к решению поставленных задач, можно использовать наказ Дон-Кихота, отправляющего Санчо Панса к Дульсинее. Он просит его быть предельно внимательным к тому, как она его примет: изменится ли в лице, встревожится ли, услышав его имя, откинется ли на подушке, не повторит ли свой ответ дважды или трижды, не превратится ли из ласковой в суровую или наоборот, поднимет ли руку, чтобы оправить волосы, одним словом, наблюдать за всеми действиями и движениями, ибо они “гонцы”, которые доставляют вести из тайников души. На эти “гонцы” и нацеливает библиотекарь читателя, выдавая ему книгу: вглядываться в каждое движение, каждый штрих, в каждое слово персонажа, чтобы проникнуть в его сущность.

ЛИТЕРАТУРА:

Богат Е. Узнавание: Эссе. — М.: Дет. лит., 1977. — 160 с.

Левидов А.М. Автор-образ-читатель. — 2-е изд. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. — 350 с.

Рубакин Н.А. Избранное.: В 2 Т.: Т.2. — М.: Книга, 1975. — 270 с.

Тихомирова И.И. Великое переселение в мир духовный // Библиотека. — 2002. — №2. — С. 41-43.

Тихомирова И.И. Чтение художественной литературы как человекознание// Современное библиотечно-информационное образование: Учеб. тетради: Вып. 5. — СПб, 2000. — С. 132-148.